

СССР 1985—1991 гг.: история случайной самоликвидации власти?¹

Анатолий Евгеньевич Савченко,

кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: savich21@mail.ru

Представленная статья объясняет распад Советского Союза взаимосвязью задач его внешнеполитического позиционирования и удержанием власти внутри страны. В отличие от других работ, в которых излагается общепринятое геополитическое объяснение дезинтеграции СССР дефицитом ресурсов, обусловленным чрезмерными издержками на военные расходы, в данном исследовании показано, что непосредственным стимулом к распаду страны был успех горбачёвской внешней политики. С одной стороны, это сделало М.С. Горбачёва одним из самых популярных государственных деятелей в мире и открыло доступ к иностранным займам, а с другой — лишило его свободы использования силового ресурса в пределах страны. Во внутренней политике дезинтеграционные тенденции усиливались сочетанием накопленной институциональной слабости и сложной политической игры М.С. Горбачёва по выстраиванию новых, независимых от Коммунистической партии оснований собственной власти. Привычный упрёк Горбачёву в нерешимости вовремя порвать с КПСС может быть в равной степени заменён и на противоположный: его желание дистанцироваться от партии, подорвать её власть внесло свой вклад в распад государства. Одерживая локальные победы над реальными и мнимыми противниками перестройки, её архитекторы ненамеренно спровоцировали сепаратистские стратегии республиканских и региональных правителей. Основной тезис статьи — распад СССР едва ли возможно объяснить какой-либо одной причиной. Напротив, мы имеем дело с хитросплетением долговременных и краткосрочных процессов, стратегических и тактических решений.

Ключевые слова: Советский Союз, геополитика, дезинтеграция, децентрализация, власть, управление.

USSR 1985—1991: The story of unintended self-destruction of power.

Anatolij Savchenko, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: savich21@mail.ru.

¹ Автор выражает благодарность Центру Азии и глобализации Института публичной политики им. Ли Куан Ю Национального университета Сингапура за возможность работы с литературой, необходимой для написания данной статьи, в рамках стажировки приглашённым исследователем в 2015—2016 гг.

The article focused on explanation of the disintegration of the Soviet Union via detecting an interconnections of the task of the Soviet foreign policy and task of holding the power in the country. While the geopolitical explanation of the process of the disintegration as outcome of shortage of the sources due to excessive costs for military and defense is common view, the article shows that the very success of the gorbachev's foreign policy was the direct impetus for the disintegration. As result of his maneuvers on the international stage, Gorbachev found itself as hostage by its image of "democrat" and "man who changed the World". Such reputation, as well as growing dependence on the Western's financial support deprived him of the room for maneuver in domestic policy, first of all he was restricted significantly in capability to suppress opposition and disobedience. The main argument of the paper: hardly it is possible to explain the disintegration of USSR by sole main reason. Just the opposite, we have to deal with the fine-spun node of short-term and durable processes, tactic and strategic decisions.

Keywords: Soviet Union, geopolitics, disintegration, decentralization, power, governance.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современность распада СССР, его обсуждение в политике и в нашей повседневной жизни удерживают эту тему в фокусе общественного интереса, но одновременно играют с ней злую шутку. Зачарованные масштабом события, мы не можем поверить в его обыденность. Мы уже склонны забывать, что этот распад вовсе не был уникальным: с 1990 по 1992 г. прекратили своё существование все социалистические федерации: не только весьма своеобразная Югославия, но и Чехословакия, не обременённая и десятой долей тех проблем, которые истощали Советский Союз [15, р. 38—55]. Иными словами, рассматривая предмет исследования в перспективе, мы видим, как тускнеют привычно значимые, освящённые долгой историографической традицией факторы. Интриги вокруг союзного договора, взлёт и падение ГКЧП, «роковая» встреча в Беловежской пуще — всего этого могло бы и не произойти, однако маловероятно, чтобы это спасло единое государство. Нам остаётся только искать наиболее общие и системные причины дезинтеграции.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ РАМКИ И СТРУКТУРА СТАТЬИ

Первое, что должно бы остановить любого, кто вознамерился распутать хитросплетённый узел советского коллапса, — невозможность найти какую-то одну необходимую и достаточную для этого причину. Действительно, конец советской системы был «слишком большой», чтобы выстроить единое и непротиворечивое объяснение [13, р. 5]. За 6 лет от начала

перестройки и до кульминации кризиса в конце 1991 г. произошло многое: тотальное геополитическое отступление СССР, отмирание давно одряхлевшей идеологии, полный упадок экономики и политических институтов, территориальный распад самого государства.

Всеми этому исследователи уже дали объяснение, основываясь на геополитической теории, миросистемном анализе, теориях революций, институциональном подходе, теории элит и на объединении данных теорий [см., например: 4; 7; 9; 11; 15; 18; 19]. Этот же добротный фундамент мы используем, представляя распад СССР как непреднамеренное саморазрушение центральной власти, произошедшее в результате синергии напрямую не связанных между собой процессов.

ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Масштаб исследуемого события таков, что необходимо рассматривать его с нескольких сторон. В первой части работы, касаясь внешнего контура, связанного с положением СССР в мире, мы будем основываться на геополитической теории Р. Коллинза, приходя к пониманию, какими путями и с какими намерениями М.С. Горбачёв двигался к тому, что его действия на внешней арене катастрофически сужали пространство для манёвра внутри страны. Речь будет идти о том, как М.С. Горбачёв стал «демократом» и какие последствия это имело для вверенного ему государства. Таким образом, в первой части статьи мы проверим гипотезу, согласно которой *распад СССР был побочным следствием геополитической игры советского лидера, цель которого состояла в завершении холодной войны на более или менее выгодных для страны условиях.*

Во второй части, рассматривая внутренний контур, в качестве главного инструмента мы используем неоинституциональный подход, включающий модель «принципал — агент». Этот подход мы поместим в более широкий, веберовский контекст, используя «идеальные типы» господства². Какие условия направили М.С. Горбачёва на путь, который в ретроспективе кажется едва ли не добровольной ликвидацией собственной власти? «Неужели он сам так собой управил?» — остаётся спросить нам, вспоминая М.А. Булгакова. Но есть и более интересный вопрос, правда, уже заданный ранее С. Коткиным: почему никто не помешал М.С. Горбачёву провести эту ликвидацию, которая означала также и конец доминирования значительной части партийной советской элиты? Этот вопрос, в свою очередь, скрывает в себе ещё один: почему не только реформаторы, но и те, кто был их скрытым или явным оппонентом, действовали

² Имеются в виду идеальные типы господства, сформулированные М. Вебером: 1) традиционный тип, основанный на вере в священность существующих порядков; 2) харизматический тип, в основе которого лежит признание за лидером неких выдающихся личностных качеств; 3) рациональный (легитимный), базирующийся на подчинении не личностям, а законам и письменным инструкциям [21, р. 212—216].

так, а не иначе? Тестируемая гипотеза, которая призвана ответить на эти вопросы, следующая: *стремление М.С. Горбачёва использовать своё харизматическое лидерство для демонтажа традиционного господства и последующего выстраивания легитимных оснований власти создало не только благоприятные возможности для массового предательства нижестоящими бюрократами своего патрона, но и множество центрбежных траекторий, по которым они разбежались.*

В заключительной части статьи, стремясь показать, как и почему результатом внешнеполитического успеха перестройки и обвала власти внутри страны стал именно территориальный распад государства, мы сведём эти гипотезы вместе.

ВНЕШНИЙ КОНТУР: ЦЕНА ПОПУЛИЗМА

За 18 лет брежневского правления СССР на внешнеполитической арене полностью утратил свою революционность и дрейфовал в сторону консерватизма, всё более сосредотачиваясь на поддержании послевоенного порядка, в котором стране дорогой ценой удалось занять почётное место одной из двух мировых сверхдержав [18, р. 25]. Внешне это было похоже на получение респектабельности — способности говорить с Западом на равных, принимать в Москве ведущих мировых политиков, вести с ними торг по принципиальным вопросам. Параллельно с этим имела место более или менее брутальная конкуренция с Западом на периферии мира, а в самом ядре капитализма советские идеологи пытались влиять на местную политику, финансируя западные коммунистические партии и средства массовой информации.

Экономически же Советский Союз всё глубже интегрировался в мир, причём на правах партнёра, зависимого от своих могущественных конкурентов. В капиталистические страны продавались нефть и газ — главный источник валюты для приобретения у них передовых технологий и продовольствия [см., например: 2, с. 313—205; 10, с. 152]. Эти процессы зашли ещё дальше в странах Варшавского блока: крупнейшие из них глубоко увязли в долгах перед Международным валютным фондом. Попутно заметим, что таков был всеобщий «недуг», которому оказались подвержены многие полупериферийные страны как в Восточной Европе, так и в Латинской Америке, в них примерно в то же время параллельными путями происходил демонтаж авторитарных режимов. Здесь прослеживается общая тенденция, которая порождалась не коммунистическим строем, а, скорее, профилем, которым та или иная страна была интегрирована в мировую экономику и политику.

Для коммунистических режимов подобная зависимость являлась также и идеологической. СССР «конкурировал» с тем капитализмом, которого на Западе больше не было. Произшедшие там перемены и яркие контрасты не в пользу советской действительности приходилось скрывать с помощью

цензуры, пропаганды и ограничения на выезд из страны [18, р. 172]. В то же самое время коммунистическая элита постепенно приобретала вкус к западному образу жизни, наслаждаясь высокими стандартами потребления, устраивала своих детей за границей, например в Лондоне (современная любовь наших состоятельных соотечественников к Великобритании, оказывается, имеет крепкие советские корни) [см., например: 12, с. 419].

Это были долговременные процессы, свидетельствовавшие о том, что поражение СССР в холодной войне началось задолго до провозглашения перестройки. По большому счёту у страны не было ничего для поддержания престижного статуса в мире, кроме сильной армии. Сфера военной конкуренции являлась единственной, в которой Москва имела шансы на успех, но в начале 1980-х гг. именно здесь её силы иссякли: падение доходов из-за обвала цен на нефть; сокращение притока передовых технологий вследствие западных санкций, наложенных на страну в ответ на войну в Афганистане и сбитый в небе над советским Дальним Востоком южнокорейский пассажирский Боинг. (Здесь весьма трудно избавиться от навязчивых параллелей с днём сегодняшним.)

Когда М.С. Горбачёв занял высший партийный пост, материальные ресурсы для успешного продолжения холодной войны были уже подорваны, моральный авторитет СССР в мире был ничтожен — образ «империи зла» успешно экспортировался рейгановской администрацией. Альтернатив для глубокой нормализации отношений с западными странами оставалось немного, необходимо было решить, как выйти из холодной войны на выгодных условиях.

Ход М.С. Горбачёва был изначально очень сильным, хотя и отражал его в целом популистский политический стиль. Новый генеральный секретарь вознамерился вернуть забытую революционность советской внешней политике, завернув её в новую обёртку гуманизма и общечеловеческих ценностей. До сих пор вызывает удивление та скорость, с которой Москва перешла от классового подхода к глобалистскому, более свойственному западным либералам, а сдача геополитических позиций представляется результатом неопытности и наивности [14, р. 536]. Однако какие у нас есть основания, чтобы заподозрить в наивности творцов перестройки, прошедших долгий путь выживания и продвижения в коридорах партийной власти? Скорее наоборот, мы имеем дело с почти иезуитским замыслом — вырваться из полуизоляции и попасть в ядро мировой политики с той стороны, откуда меньше всего ждали. Не просить, а взять самому то, что нужно, переиграть западных политиков на их же поле, апеллируя непосредственно к общественному мнению их стран, и, таким образом, не оставлять им иного выбора, кроме как поддерживать инициативы нового советского лидера, попутно выдавать ему долларовые кредиты для «изменения страны» — мало сомнений в том, что горбачёвский замысел был если и не в точности таким, то близок к этому. Тем более что для розыгрыша такой партии складывались благоприятные структурные возможности: риторический накал в противостоянии СССР и США заставлял

западного обывателя верить — те, кто принимают решения в Кремле, действительно могут определить судьбу мира, в распоряжении Москвы была не только трибуна Совета Безопасности ООН, но и разветвлённая мировая сеть подконтрольной прессы. Любая её инициатива по определению являлась глобальной и вызывала более широкий эмоциональный отклик, чем если бы подобную или даже более мощную инициативу выдвинули бы, например, Пекин или Дели.

Успех на внешнеполитической арене был оглушительным, особенно в Западной Европе, которую М.С. Горбачёв стремился взять «очарованием» [20, р. 201]. Удивительным образом сочетая идеализм ранних коммунистов и трезвый расчёт уже встроенного в большой мир политика, он приобрёл невиданный для советского лидера престиж [6, с. 104]. Последний лидер СССР и сам чувствовал, что мог получить от Запада «всё, что хотел» [см. подробнее: 5], правда, ровно до того момента, когда для внешнего мира стало очевидным: власть советского правителя внутри страны стремительно рушится.

М.С. Горбачёв стал заложником своего успеха. Его внешнеполитический популизм, основанный на здоровом и естественном стремлении с достоинством выйти из холодной войны, высвободить ресурсы для модернизации экономики, выпускал и разрушительную энергию внутри не только советского блока, но и самого СССР, одновременно связывая политику руки для активных действий. В атмосфере нового мышления и общечеловеческих ценностей всё труднее было обосновать вмешательство Москвы во внутренние дела стран Восточной Европы, а «отпустив» их, едва ли возможно было уйти от «забытых» вопросов присоединения Прибалтийских республик. Параллельно вспыхнули южные национальные окраины самого Союза, а богатые природными ресурсами провинции удивительно быстро перешли от благодарности Москве за отеческую заботу к обвинениям в колониальной эксплуатации и требованиям большей автономии и новых полномочий. Само по себе это не было критичным для выживания страны. Настоящим вызовом явилось сокращение силового ресурса для эффективного усмирения восстаний и подавления инакомыслия. Гигантский силовой аппарат ещё был в наличии, однако использовать его становилось всё труднее. Причина здесь была двойственной: начавшееся масштабное геополитическое отступление с попутным сокращением расходов на оборону и углублением внутриэлитного раскола на реформаторов и консерваторов подрывало лояльность генералитета³. Ещё сильнее её подрывало то, что М.С. Горбачёв, легитимность которого всё больше опиралась на его международный вес, а не на поддержку внутри страны, просто не мог взять на себя ответственность за силовое подавление конфликтов, так как это разрушало его авторитет демократического реформатора, уже сложившийся в мире. Этот авторитет был ценен не сам по себе — его потеря не только перекрыла бы доступ к иностранным кредитам, зависимость

³ Здесь следует сказать, что это то место на траектории коллапса, до которого идеально работает теория Р. Коллинза.

от которых становилась критической (иностранные визиты М.С. Горбачёва в 1989—1991 гг. — это, в первую очередь, поездки за деньгами, внешний долг СССР за время его правления почти утроился), но и развязала бы руки оппонентам для быстрого устранения лидера от власти. Здесь весьма кстати вспоминаются сумбур в верхах после силового подавления беспорядков в Тбилиси в 1989 г. и Вильнюсе в 1991 г., непонятные манёвры войск под Москвой также в 1991 г., за которые никто не решался брать ответственность.

Мастерски разыгрывая партию в мировой политике, М.С. Горбачёв в прямом смысле слова обезоружил себя перед лицом внутренних угроз. В ответ на всплеск дезинтеграционных тенденций Центру мало что оставалось, кроме как двигаться по пути уступок и широких обсуждений, формируя пространство для политического торга, в итоге сделав предметом переговоров структуру, форму и судьбу союзного государства.

ВНУТРЕННИЙ КОНТУР: ПОИСК ВЛАСТИ

В. Банс сформулировала идеальный тип социалистического режима вполне в духе М. Вебера⁴: идеологическая приверженность быстрой модернизации (в оригинале — трансформации), слияние политики и экономики, доминирование единой партии, глубоко интегрировавшейся в общество [15, р. 130]. К середине 1980-х гг. советское государство не соответствовало ни одному из этих параметров: выхолощенная формализмом идеология при обнулении темпов экономического роста, глубокая трещина между политической и хозяйственной ветвями власти, КПСС, расколотая по вертикали и горизонтали и лишь поверхностно управляющая обществом. К середине 1980-х гг. это была уже в известной степени фрагментированная система, скреплённая воедино псевдоцентрализованной экономикой и формальной партийной дисциплиной.

Сам успех советской индустриализации, проведённой под руководством бюрократии, помноженный на социально-географический масштаб государства, неизбежно приводил ко всё более чувствительному смещению ресурсов от партийных идеологов к министрам-технократам и от верхних к нижестоящим этажам управления. Для советской системы это означало *рассеивание* власти, проводником которого служила институциональная структура государства, формально закреплявшая множество посредников в проведении государственной политики: на верхнем этаже в виде федерации с её республиканскими коммунистическими партиями и национальными элитами и далее вниз по вертикали, к автономным национальным республикам и краевым и областным комитетам КПСС [см. подробнее: 15, р. 49—52].

⁴ В «духе Макса Вебера» означает, что перед нами «идеальный тип» социалистического режима, характеристики которого строго сформулированы и могут выступать как «переменные».

С другой же стороны, советская система управления была спроектирована настолько цельной и взаимосвязанной, что решение любой проблемы зависело от государства. Эта система являлась именно «административно-командной», требовала постоянных усилий и координации между разветвлённой сетью партийно-государственной иерархии. Даже деньги имели относительную ценность, которая определялась, например, способностью предприятия организовать поставки продукции для своих потребностей или товаров для того, чтобы работники могли купить необходимые вещи на свою зарплату. Всё это, в свою очередь, зависело от напористости первого секретаря в том или ином регионе, и не менее — от министерских и госплановских бюрократов, распределяющих фонды [22, р. 53].

Поэтому у нас нет оснований встать на позицию, согласно которой в позднем СССР можно было бы реформировать одну часть системы, но не трогать другую: преобразовать экономику, но не трогать государственную систему, или реформировать последнюю, не касаясь партии [13, р. 7]. Начать менять эту систему, постепенно заменяя какие-то элементы в ней, означало вытаскивать карту за картой из огромного карточного домика. Если и принять умозрительно возможность такого варианта, то в любом случае трудно вообразить сочетание стратегического видения и тактического мастерства, которое требовалось при его реализации. Сам вопрос о том, какой могла бы быть «правильная» политика реформирования СССР, оставляет нас на зыбкой почве догадок и широких допущений. У нас будет перспектива получить ответ, обладающий объяснительной силой, если мы переформулируем сам вопрос: почему именно та политика реформ, которую проводил М.С. Горбачёв (скажем, до 1989 г., когда он уже в значительной мере потерял контроль над ситуацией в стране), казалась ему наиболее приемлемой? Почему, собственно, он избрал путь глобального «перезапуска» советского государства, не менее революционный, чем смена курса во внешней политике? Ответ, который нам предстоит обосновать, звучит так: потому что главной задачей было «найти» власть реальную, обеспечив себя инструментом для дальнейших изменений, и одновременно не потерять в процессе поиска власть формальную.

Одним из любимых риторических приёмов М.С. Горбачёва было оправдание текущих и стратегических действий наследием В.И. Ленина, которое казалось неисчерпаемым в своей способности предоставить ответ на любой вопрос советской политики. Есть основания предположить также, что последний советский реформатор не менее серьёзно относился к опыту Н.С. Хрущёва, хотя и предпочитал не высказываться на этот счёт публично⁵. Данный опыт говорил о том, что главная опасность происходит не из роста общественного недовольства, а от верхушки правящей бюрократии — сопротивление которой могло блокировать любую, как

⁵ Намного позже сам М.С. Горбачёв, говоря о 1986—1987 гг., признавался: «И вот я думал, что нас ожидает ситуация с Хрущёвым, когда соберётся Пленум и скажет: ребята, вы незрелый народ, вы вообще не понимаете ни ответственности её, ни роли, ни положения. Всё, хватит, давайте другого» [11, с. 183].

либеральную, так и жёстко авторитарную, линию. Но вероятность жёсткой линии по мере развития внешнеполитического успеха «нового мышления» становилась всё более призрачной. Как и нормализация отношений с Западом во внешней политике, либерализация внутри страны в той или иной мере была безальтернативной. Возможно, «на фоне нарастающего общественного давления, требующего смягчения режима, кое-кому хотелось бы с помощью КГБ „завинтить гайки“. Но ещё труднее оказалось отыскать такие „гайки“» [8, с. 299]. Для успеха намеченного курса во внешней и внутренней политике М.С. Горбачёву предстояло одновременно блокировать возможность верхушечного заговора и преодолеть скрытое (хотя скорее мнимое) сопротивление реформам в разветвлённой партийно-государственной вертикали⁶.

Новый политический стиль генерального секретаря, его стремление напрямую общаться с людьми, раздавая громкие обещания, быстро решить основные проблемы страны, означал нечто большее, чем популизм, — это было приобретение собственного политического капитала. Здесь, видимо, следует сказать, что это был усвоенный партийной верхушкой урок сталинизма: высшие руководители страны не должны были иметь собственного политического капитала. Именно КПСС являлась его источником, делая из любой посредственности выдающегося государственного деятеля, партия же относительно легко производила деконструкцию этого капитала, инвестируя его в нового «лидера». Впервые это было опробовано после смерти И.В. Сталина (критика культа личности), затем легко был низведён до нуля политический капитал Н.С. Хрущёва («волютаризм»), и в конечном итоге нечто подобное было произведено после смерти Л.И. Брежнева («застой»). Руководитель государства успевал почувствовать себя выдающимся деятелем, видным теоретиком марксизма-ленинизма и, как правило, после оставления поста, — прямым или косвенным виновником главных бед страны. Это была система, обеспечивающая безопасность и власть партийного аппарата, способного как нарастить, так и уничтожить политический вес своего лидера.

В отличие от трёх своих предшественников, М.С. Горбачёв начал быстро приобретать собственный капитал в виде харизматического лидерства, обращённого как вовнутрь страны, так и вовне. Как бы следуя выкрику кого-то из окруживших его на улице в ходе знаменитой поездки в Ленинград простых людей «Держитесь ближе к народу, мы вас никогда не под-

⁶ Это большой и важный для понимания судьбы авторитарных режимов вопрос, требующий специального исследования, — в силу какой логики нижестоящие уровни власти оказываются политически ответственными за те или иные проблемы страны? Что же касается СССР, то косвенным подтверждением того, что широкое сопротивление реформам было скорее мнимым, чем реальным, выступает тот факт, что интенсивная кадровая перетряска, начавшаяся ещё при Ю.В. Андропове и продолжавшаяся при М.С. Горбачёве, не оказывала влияния на продвижение задуманных преобразований. Это, в частности, признаёт и сам М.С. Горбачёв: «За 3—4 года сменил 3—4 состава секретарей, особенно на уровне горкомов и райкомов, и приходят всё те же кондовые» [11, с. 183].

ведём!» [3], последний генеральный секретарь всё более склонялся к заключению альянса с обществом против партийного аппарата. Это означало рождение советской публичной политики, уменьшало опасность верхушечного заговора и открывало возможности для широких реформ. Но в первую очередь этот выход в самостоятельное политическое плавание означал вывод М.С. Горбачёвым своего политического капитала из партии.

Чтобы ещё на взлёте подрезать крылья реальным и мнимым противникам демократизации, с Отделом пропаганды ЦК КПСС был инициирован «урок правды» в виде расширения свободы слова и последовавшего затем разоблачения преступлений сталинизма и злоупотреблений властью в брежневский период. Важно, что на яркий свет выставлялись самые мрачные страницы советского прошлого, связанные с массовыми репрессиями и депортациями, рукотворным голодом, обстоятельствами присоединения Прибалтики. Но ещё важнее, что эта отрезвляющая правда хлынула на людей одновременно с прорывом плотины, сдерживающей информацию о жизни в странах ядра капитализма — именно той части мира, на успешном социально-экономическом соревновании с которой и строилась официальная советская пропаганда. КПСС оказалась ответственной одновременно и за преступления прошлого, и за удручающую жизнь в настоящем.

Даже для очень близких к М.С. Горбачёву людей была удивительной та скорость, с которой исчезал авторитет партии среди всех слоёв общества, а с ним — и авторитет марксизма-ленинизма, само упоминание о котором становилось чем-то неприличным [12, с. 879]. То, что называлось «советской действительностью», теперь вызывало отторжение. Если бы даже нашлись те, кто был готов публично агитировать в защиту разрушающегося социального строя, вряд ли они могли найти для этого действенные аргументы. Сейчас сложно представить ту степень развития в СССР культа иностранных потребительских товаров и западного образа жизни. Тогда ещё мало кто бывал в Европе и Америке, однако в открывавшихся по всей стране видеосалонах молодое поколение уже засматривалось американскими фильмами⁷. В день открытия первого в Советском Союзе «Макдоналдса», в январе 1990 г., был установлен мировой рекорд посещаемости для этой сети ресторанов — 30 тыс. чел., а очередь на Пушкинской площади в Москве растянулась на несколько километров. Уже с трудом верится в реальность захватывающего дух концерта «Монстры Рока» в подмосковном Тушине, куда почти сразу после провала августовского путча съехалось более миллиона человек со всей страны, чтобы увидеть вживую легендарных американских и европейских исполнителей. Сами западные звёзды не ощущали прежде и едва ли увидят потом такой мощный выплеск эмоциональной энергии. Можно ли представить, что на сцену к этим людям вышел бы какой-нибудь партийный

⁷ Любопытно, что эти платные видеосалоны учреждались МЖК — молодёжными жилищными кооперативами, изначально созданными для выполнения жилищной программы, но впоследствии, на закате СССР, ставшими «инкубаторами» раннего предпринимательства.

агитатор с намерением напомнить об идеалах социалистического образа жизни? Это была пружина, десятилетиями сжимаемая прессом идеологического и административного контроля и теперь сметающая всё на пути своего разжимающего движения.

Роль краха официальной идеологии в распаде СССР всё ещё остаётся на периферии исследовательского интереса, тем временем именно внимание к этой некогда бережно хранимой и поэтому застывшей и быстро ветшавшей опоре советского режима позволяет продвинуться в понимании той лёгкости, с которой Советский Союз исчез с политической карты мира.

Вспомним факт, который лежит буквально на поверхности и оттого редко попадает в фокус рефлексии: территориально СССР распался с Запада на Восток [13, р. 8]. Процесс начался в Прибалтике, затем перекинулся на Кавказ, Украину и саму Россию. Бежали из Союза, прежде всего, те государства, которые хотя бы в силу своего географического положения имели шансы быть интегрированными в западный мир.

Здесь мы подходим к последнему кругу вопросов: почему всё это означало не только конец социализма и власти КПСС, но и конец единого государства? Почему правители трёх республик, фактически приговоривших СССР к исчезновению, решили идти в капиталистический мир по отдельности, а не единым, более мощным союзным государством? И почему на всех уровнях общества распад страны был встречен поразительно равнодушно? Один из ответов кроется в динамике децентрализации советской системы управления, которая была одновременно как ответом на объективные проблемы страны, так и личной игрой М.С. Горбачёва.

Политическая и экономическая децентрализация должна была лишить противников перестройки реальной власти. Была у неё и менее явная цель: перенаправить растущую энергию общественного недовольства на нижестоящие уровни партийно-государственной иерархии, уберегая таким образом от обнуления политический капитал самого М.С. Горбачёва.

Демократизация и децентрализация подразумевали, что Центральный Комитет КПСС больше не будет гарантировать власть своим агентам на местах, но одновременно эти процессы создавали тем же агентам политическое пространство для защиты их интересов и позиций. Это как раз тот случай, когда «политика создаёт политиков» [16, р. 6]. То, что раньше было сферой управления, вдруг оказалось минным полем политической борьбы.

В свою очередь, экономическая децентрализация, наряду с уменьшением количества плановых показателей, также сокращала гарантированные поставки централизованных ресурсов в регионы и расширяла автономию предприятий. Последние получили прямой доступ на внешний рынок, где легко продавали сырьё или обменивали его на дефицитные в СССР товары⁸. Итогом стал всплеск дефицита сырья и компонентов для промышленности, а также потребительских товаров на местах.

⁸ Только в 1989 г. Министерство внешнеэкономических связей выдало лицензии 14 тыс. предприятий для осуществления такой деятельности [22, р. 67].

Региональные руководители, для которых эта острая нехватка и хаос стали угрозой их политического выживания, ответили установлением сначала скрытого, а затем и явного контроля над теми ресурсами, которые им были доступны в пределах территорий [19, р. 230—231]. Наиболее ощутимо этот процесс разворачивался на уровне союзных республик, но он принципиально не отличался и на уровне краёв и областей. Основная централизующая тенденция — необходимость согласовывать в московских министерствах планы и выбивать поставки ресурсов — уступила место тенденции противоположной: придерживать ресурсы у себя (в министерстве, в регионе, на предприятии) для последующего обмена с другими регионами и предприятиями. Горизонтальные связи, издавна существовавшие в полулегальной зоне, вытесняли не только связи вертикальные, но и организующий их Центр.

На нижестоящих уровнях, среди руководства предприятий, общественных организаций, ослабление контроля Центра и новые открывшиеся возможности экономической деятельности направили энергию агентов на извлечение коммерческой выгоды от использования государственных активов, которые приватизировались явочным порядком.

Вырасталась новая элита и новые центры власти, которые конкурировали с партийно-советским государством. Всё это вместе очень походило на то, что В. Ганев, разворачивая в обратном направлении военно-налоговую теорию Ч. Тилли и объясняя таким образом логику разрушения, а не строительства эффективной власти, назвал «извлечением ресурсов из государства» [17, р. 438]. Где-то этот процесс проходил под аккомпанемент национализма, а где-то парадоксальным образом озвучивался громогласной риторикой защиты стратегических интересов российского государства⁹.

Именно экономическая и политическая децентрализация образовала тот горячий коктейль, который превратил отношения между Центром и регионами (союзными республиками, краями и областями) в игру с отрицательной суммой, когда в борьбе за политические и экономические ресурсы они превратились из игравших по определённым правилам соперников в явных врагов [16]. Открывшееся пространство публичной политики позволяло региональным правителям наращивать свой политический

⁹ В этом плане интересный материал для размышления даёт риторика партийной и научной элиты Дальнего Востока. Так, например, в 1991 г. представители партийных организаций Хабаровского края, признавая себя «заложниками центра», вынужденными «...нести ответственность за развал экономики и снижение жизненного уровня», прямо обвинили ЦК КПСС и Политбюро в том, что последние не смогли «вооружить партийные организации стратегией и тактикой борьбы» за реализацию намеченных целей «и главное — добиться реальных результатов за последние шесть лет». Более того, некоторые дальневосточные экономисты приходили к выводу, что «все прошедшие годы именно в силу централизации гражданские обязанности на местах выполнялись, а политика Центра во многом не отвечала интересам мест», и что интересы Центра — это главным образом сумма узковедомственных интересов [ГАХК. П-35. Оп. 117. Д. 430. Л. 100—102; 1, с. 6].

капитал и институциональную мощь за счёт союзного Центра без опасений потерять власть. С другой стороны, в угаре политической борьбы М.С. Горбачёв и лидеры союзных республик, стремясь ослабить друг друга, сами раскручивали эту центрифугу дезинтеграции: они расширяли число участников борьбы в надежде привлечь их на свою сторону; более того, поощряли их стремление перехватывать полномочия и ресурсы, рассчитывая, что таким образом они не достанутся главным противникам.

Секрет лёгкости распада СССР состоит в том, что как единой системы управления к концу 1991 г. его уже не существовало, и это было очевидно и тем, кто принимал решения на всей обвалившейся вертикали управления, и обычным гражданам, которые уже несколько лет читали в газетах и видели по телевизору политические баталии за судьбу и структуру нового союзного государства. Это один из ключей к ответу на вопрос о том, почему распад СССР в декабре 1991 г. был воспринят так спокойно — потому, что в декабре этого же года в Беловежской пуще не произошло ничего значимого. Ничего не изменилось в краткосрочной перспективе, даже М.С. Горбачёв не был отправлен в отставку автоматически, а ушёл сам и не сразу.

К 1991 г. уже слишком многие внутренне распрощались с СССР. Судьба Союза ко времени беловежской встречи уже 2 года была предметом жарких дискуссий, и не существование СССР, а сама возможность его сохранения были поставлены под вопрос. Поэтому образование Содружества Независимых Государств казалось в том контексте скорее выходом из тупика. Вспомним сейчас, что это объединение предполагало сохранение единой армии и валюты. И более того, по форме оно мало чем отличалось от проекта ССГ (Союза Суверенных Государств), выработанного в ходе протекавшего под председательством самого М.С. Горбачёва Новоогарёвского процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: СКЛАДЫВАЯ ВСЁ ВМЕСТЕ

Теперь перед нами стоит задача упорядочения всей этой мозаичной картины. Геополитические факторы вновь и вновь показывают нам свою значимость, выступая если не причиной, то непременно условием распада СССР. Правда, в данном случае их роль предстаёт перед нами в несколько ином свете. Непосредственно распад Советского Союза сделали возможным не издержки геополитического напряжения (в отличие от случая с Организацией Варшавского Договора), а скорее наоборот, успех М.С. Горбачёва на мировой арене, сделавший его не только обладателем Нобелевской премии, но и заложником обрётённого статуса «человека, изменившего мир». Всё это принципиально сужало возможности для применения Москвой силового ресурса с целью удержания союзных республик в рамках единого государства. Но и на этом роль геополитики не заканчивается, по ходу разворачивающейся драмы она ещё заявит о себе, Когда вдруг

станет очевидным для всех, насколько безнадежно СССР проиграл соревнование за создание благополучного общества.

Внутренняя траектория распада имела собственную логику, пересекаясь с геополитикой в своих критических точках. К началу перестройки Советский Союз вместе со всеми социалистическими режимами уже долгое время накапливал институциональную слабость, а монолитная внешне вертикаль управления фрагментировалась. Однако это было лишь начальным условием, определившим не сам распад, а направление действий М.С. Горбачёва и его решимость вывести свой политический капитал из КПСС. Возвращаясь к «идеальным типам» М. Вебера, мы можем сказать, что по мере развёртывания перестройки в жертву приносилось традиционное господство Партии ради сохранения харизматического лидерства первого лица государства, необходимого ему для перехода к легитимному правлению. Однако в итоге потерянным оказалось всё. Партийная иерархия, административная субординация, идеология и экономика рушились вместе.

Люди, подписавшие приговор Союзу, ещё совсем недавно были ключевыми партийными функционерами. Да, теперь они скорее следовали своим узким интересам и сиюминутным настроениям масс, но ирония была в том, что сам М.С. Горбачёв не оставил им иного выбора. Что они имели перед собой? Внезапно возникшую публичную политику, которую последний лидер СССР изначально создавал прежде всего для себя; тотальную идеологическую капитуляцию перед Западом, что само по себе было побочным эффектом внешнеполитического успеха перестройки; сокрушительное саморазоблачение собственного прошлого, которое изначально виделось М.С. Горбачёву как средство разрушения основ для традиционного господства КПСС. В конце концов, они имели перед собой единого конкурента в тотальной войне за ресурсы и полномочия в виде союзного Центра, заигрывавшего через их головы с правителями областей и автономий внутри союзных республик. Это было следствием децентрализации, которую изначально М.С. Горбачёв рассматривал как способ ослабления противников перестройки на местах. Иными словами, внешними и внутренними факторами было неумышленно создано политическое пространство, структурированное таким образом, что победу одерживал тот, кто выступал за большую автономию, кто решительнее всех рвал с «тёмным» прошлым, мрачным настоящим, брал курс на Запад, к вождельной демократии и рыночной экономике. У М.С. Горбачёва оставалось всё меньше средств воздействия на этот процесс.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Ветчинкин В.И. Рынок и территория. Благовещенск: АмурКНИИ ДВО АН СССР, 1991. 61 с.
2. Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2007. 448 с.

3. Горбачёв в Ленинграде. 1985 год // WWW.YOUTUBE.COM: видеохостинг. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=5kKwVLAhofY> (дата обращения: 08.05.2015).
4. Дерлугьян Г.М. Чем коммунизм был? // Есть ли будущее у капитализма? / пер. с англ. / Под ред. Г. Дерлугьяна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 320 с.
5. Козырев А.: настоящий камикадзе. Интервью с бывшим министром иностранных дел А. Козыревым // WWW.FORBES.RU: журнал Forbes. URL: www.forbes.ru/ekonomika/lydi/74504-andrey-kozyrev-nastoyashchii (дата обращения: 20.06.2016).
6. Коллинз Р. Макростория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2015. 504 с.
7. Крыштановская О. Анатомия Российской элиты. М.: Захаров, 2004. 470 с.
8. Левин М. Советский век. М.: Европа, 2008. 680 с.
9. Модсли Э., Уайт С. Советская элита от Ленина до Горбачёва. Центральный комитет и его члены, 1917—1991 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 432 с.
10. Славкина М.В. Триумф и трагедия: Развитие нефтегазового комплекса СССР в 1960—1980-е годы. М.: Наука, 2002. 221 с.
11. Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2004. 511 с.
12. Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972—1991 годы. М.: РОССПЭН, 2010. 1047 с.
13. Barnes A. Three in One. Unpacking the “Collapse” of the Soviet Union // Problems of Post-Communism. September—October 2014. Vol. 61, № 5. P. 3—13.
14. Berryman J. Geopolitics and Russian foreign policy // International Politics. 2012. № 49. P. 530—544.
15. Bunce V. Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state. Reprinted. New York: Cambridge University Press, 2002. 208 p.
16. Falleti T. Decentralization and subnational politics in Latin America. New York: Cambridge University Press, 2010. 285 p.
17. Ganev V. Post-communism as an episode of state building: A reversed Tillyan perspective // Communist and Post-Communist Studies. 2005. № 38. P. 425—445.
18. Kotkin S. Armageddon averted. The Soviet collapse 1970—2000. Oxford: Oxford University Press, 2008. 280 p.
19. Solnick S.L. Stealing the state: control and collapse in Soviet institutions. Second printing. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1999. 352 p.
20. Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse: practical geopolitical reasoning in American foreign policy // Political geography. 1992. March. Vol. 11. № 2. P. 190—204.
21. Weber M. Economy and Society. An outline of interpretive sociology / ed. by Roth G., Wittich C. New York: University of California Press, 1978. 1469 p.
22. Woodruff D. Money unmade: barter and the fate of Russian capitalism. New York: Cornell University Press, 1998. 228 p.
23. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского кр.).

REFERENCES

1. Vetchinkin V.I. *Rynok i territorija* [Market and territory]. Blagoveshensk, AmurKNII DVO AN SSSR Publ., 1991, 61 p. (In Russ.)
2. Gajdar E.T. *Gibel' imperii. Uroki dlja sovremennoj Rossii* [Downfall of the empire. Lessons for contemporary Russia]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2007, 448 p. (In Russ.)

3. *Gorbachev v Leningrade. 1985 god.* [Gorbachev in Leningrad. 1985]. Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=5kKwVLAhofY> (accessed: 08.05.2015). (In Russ.)
4. Derlug'jan G.M. Chem kommunizm byl? [What the communism was?] *Est' li budushchee u kapitalizma?* Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara Publ., 2015, 320 p. (In Russ.)
5. Kozyrev A.: *nastojashnij kamikadze. Interv'ju s byvshim ministrom inostrannyh del A. Kozyrevym* ["A real kamikaze". An interview with ex-minister of foreign affairs A. Kozyrev]. Available at: www.forbes.ru/ekonomika/lydi/74504-andrey-kozyrev-nastoyashchii (accessed: 20.06.2016). (In Russ.)
6. Kollinz R. *Makroistorija: Oчерki sociologii bol'shoj dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays of sociology of long duration]. Moscow, URSS Publ., 2015, 504 p. (In Russ.)
7. Kryshtanovskaja O. *Anatomija Rossijskoj jelity* [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zaharov Publ., 2004, 470 p. (In Russ.)
8. Levin M. *Sovetskij vek* [The Soviet epoch]. Moscow, Evropa Publ., 2008, 680 p. (In Russ.)
9. Modslji Je., Uajt S. *Sovetskaja jelita ot Lenina do Gorbachjova. Central'nyj komitet i ego chleny, 1917—1991 gg* [The Soviet elite from Lenin to Gorbachev. The central committee and its members, 1917—1991]. Moscow, ROSPJeN Publ., 2011, 432 p. (In Russ.)
10. Slavkina M.V. *Triumf i tragedija: Razvitie neftegazovogo kompleksa SSSR v 1960—1980-e gody* [Triumph and tragedy. The development of oil and gas sector of the USSR in 1960s—1980s]. Moscow, Nauka Publ., 2002, 221 p. (In Russ.)
11. Starodubrovskaja I.V., Mau V.A. *Velikie revoljucii: ot Kromvelja do Putina* [Great revolutions: from Cromwell to Putin]. Moscow, Vagrius Publ., 2004, 511 p. (In Russ.)
12. Chernjaev A. *Sovmestnyj ishod. Dnevnik dvuh jepoh. 1972—1991 gody* [Joint outcome. The diary of two epochs. 1972—1991]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2010, 1047p. (In Russ.)
13. Barnes A. Three in one. Unpacking the “Collapse” of the Soviet Union. *Problems of Post-Communism*, September — October 2014, vol. 61, no. 5. pp. 3—13. (In Eng.)
14. Berryman J. Geopolitics and Russian foreign policy. *International Politics*, 2012, no. 49, pp. 530—544. (In Eng.)
15. Bunce V. *Subversive institutions: the design and the destruction of socialism and the state*. Reprinted. New York, Cambridge University Press Publ., 2002, 208 p. (In Eng.)
16. Falleti T. *Decentralization and subnational politics in Latin America*. New York, Cambridge University Press Publ., 2010, 285 p. (In Eng.)
17. Ganev V. Post-communism as an episode of state building: A reversed Tillyan perspective. *Communist and Post-Communist Studies*, 2005, no. 38, pp. 425—445. (In Eng.)
18. Kotkin S. *Armageddon Averted. The Soviet Collapse 1970—2000*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2008, 280 p. (In Eng.)
19. Solnick S.L. *Stealing the state: control and collapse in Soviet institutions*. Second printing. Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press Publ., 1999, 352 p. (In Eng.)
20. Tuathail G., Agnew J. Geopolitics and discourse. Practical geopolitical reasoning in American foreign policy. *Political Geography*, 1992, March, vol. 11, no. 2, pp. 190—204. (In Eng.)
21. Weber M. *Economy and Society. An outline of interpretive sociology*. New York, University of California Press Publ., 1978, 1469 p. (In Eng.)
22. Woodruff D. *Money unmade: barter and the fate of Russian capitalism*. New York, Cornell University Press Publ., 1998, 228 p. (In Eng.)